

С именем Татьяны Суровцевой, с её поэзией у меня возникает ощущение чистого, поднебесного звона, словно пролетают в небе Ангелы и звонят в сотни серебряных колокольчиков, лёгких и полновзвучных. Это ощущение ещё более усиливается, когда слышишь голос самой поэтессы, читающей свои стихи высоким, поразительным в своей незащищённости голосом.

Не раз и не два я видел слёзы в глазах внимательных и благодарных слушателей в разных аудиториях Иркутска, в дальних городах и посёлках нашего огромного сибирского пространства, будь то Братск или легендарный БАМ, где мы бывали с ней на многочисленных выступлениях. Да у меня у самого перехватывало дыхание от этих, будто бы неземных звуков, явленных поэтическим словом и очарованием её звучащего голоса.

Такова вся поэзия Татьяны Суровцевой, такова её тонкая, ранимая, страдающая душа и её лирика, отстоящая в стороне от современного клокочущего поэтического потока, — и тяготеющая к могучей, сияющей течи Серебряного века.

Уже в ранних стихах Суровцевой звучала эта трогательная, бередящая душевные струны серебряная музыка и достигала самых укромных и заветных уголков человеческого сердца, и оно отзывалось ей ответной болью и состраданием. Татьяна Суровцева никогда не была фальшивой и искусственной. Её поэтический мир целостен и многообразен, образы и метафоры не надуманны, а рождены творческим воображением, осенены печатью Господнего промысла, и потому от её стихов веет вселенской грустью, земной радостью и человеческой болью, потому в них самоценны трепет души и свет истины.

О чём бы она ни писала, будь то заброшенный забайкальский рудник с его «бессмертниками солнц» и «колючей землёй», или морозная иркутская зима, где «деревья стоят, словно кубки со снежным сыпучим вином», или тяжкий, замороженный, необустроенный быт, с промозглым, нетопленным домом, в котором замерзает в стакане вода, поэтесса и в бытописании остаётся верна своей грустной серебряной музе, своему неудержимому полёту во времени и не перестаёт восхищаться красотой зимнего утра, не отчаиваясь и не падая на бегу от житейских горестей:

*Какое утро! Лёд в стакане.
Река дымится без огня.
Сегодня ль, завтра — время ранит
Нерасторопную меня?*

Во всём и на всё, что её окружает, у неё ясный невымученный взгляд, чистое видение всего явленного на земле и в космосе:

*Спи... Под мохнатыми звёздами лета
Вольной рекою течёт бытиё.
Пусть пролетающий Ангел рассвета
Лёгким крылом осенит забытьё...*

Во всём, что ею рождено — искреннее удивление сердца и разума, философская самооценка своего творческого пути и всепобеждающая сила жизни. Этому чувству, чувству сопротивления невзгодам и вживлению себя в реальную, грубую, порой умертвляющую всё живое и человеческое современность, надо бы поучиться у Суровцевой нынешним мѹжам и служителям кисти и пера. Попробуйте-ка и вы так выживать!

Татьяна Суровцева выпустила пять лирических книг, но эти книги днѹм с огнѹм не сыщешь в том же «Букинисте». Читатель их бережѹт, возвращается к ним на протяжении многих лет своей жизни, находит в стихах отдохновение своей душе, отвечает сердечному звучанию, вызванному пронзительной лирикой поэтессы, тем более — сегодня, в нынешнем поэтическом проране, когда стихи изгнаны с прилавков магазинов, с книжных лотков, где их заменила рыхлая макулатура пустопорожного читива.

Татьяна Суровцева родилась в Забайкалье, где её укачивали дикие степи, а сопки заглядывали в колыбель. Видимо, с колыбели в ней эта неистребимая любовь к Забайкалью, это неодолимое чувство малой родины, которое стало составной частью кроветворного тока, наивысшей степенью земного родства и творческого начала.

С какой удивительной нежностью и благородством описывает поэтесса этот аскетический край, с какой дочерней любовью и поклонением обращается она к земной благодати, давшей ей жизнь, взрастившей её талант и по-матерински препроводившей в суровый, тернистый, невыносимо тяжкий, но верный путь:

*Жизнь — не сказка. Вот повод для грусти.
Но не смею ни в чѹм упрекнуть
Бездорожье моѹ, захолустье —
Мой по жизни единственный путь.*

С 1970 года Татьяна Суровцева иркутянка. С этого времени второй малой родиной для неё становится Иркутск — город студентов и поэтов, город, вдохнувший в неё новые силы для жизни и поэзии, подаривший Ангару и Байкал, ставший неотъемлемой частью её творчества и бытования. Забайкалье и Прибайкалье, как два крыла, несут поэтессу во времени, питают её душу размышлениями и надеждами, помогают обретать себя, отыскивать друзей, любить и страдать, верить и разочаровываться, смеяться и плакать, но лететь и лететь, олицетворяя этим горным полѹтом саму жизнь. Видимо, не случайно одна из книг Татьяны Суровцевой так и называется — «Крыло судьбы».

Еѹ судьба, действительно, крылата! И несѹт она поэтессу туда: в Серебряный век русской поэзии. Там её учителя, там её повелители, там её колосящаяся рифмой нива Поэзии, а читатель, который остаѹтся русским читателем, всегда отыщет стихи Суровцевой даже сегодня, среди дикого грома современных ритмов и поэтической пустоты поэтов-временщиков:

*Зал дрожит от космических ритмов.
Музыканты плывут, как в огне.
Отступись, моя бедная рифма,
Позвени где-нибудь в стороне...*

И опять же не случайно поэтесса сказала рифме: «Позвени!» ПОЗВЕНИ, как тот ангельский серебряный колокольчик... Слушайте музыку Татьяны Суровцевой! Пусть нескончаемо звенит её звѹздный серебряный голос!

В 2016 году, за год до кончины Татьяны Суровцевой, я издал в Санкт-Петербурге её последнюю книгу «Жизнь свою начинаю сначала». Это название в какой-то степени показалось мне неожиданным, и в то же время каким-то пророческим, даже библейским... Татьяна Николаевна болела неизлечимой болезнью, и она, конечно же, понимала, чувствовала, что скоро уйдёт, и вдруг сказала мне, что книгу хочет назвать так, а не иначе: «жизнь свою начинаю сначала...» Я дал согласие и, не сказав ничего, подумал о названии уже вот в какой связи.

Когда погибла Маруся Распутина, я написал горький, трагический цикл стихов, среди которых было следующее стихотворение:

*Я под звёзды колючие вышел,
И среди неземной красоты
Колыбельную песню услышал,
Колыбельную пели кресты.*

*Среди роз и пионов увядших
Проплывали нагие кусты.
И, баюкая павших и падших,
Колыбельную пели кресты.*

*Над окраиной месяц светился,
Пробежал от звезды до звезды.
«Человек, ты не умер, родился!» —
Колыбельную пели кресты...*

Татьяна Суровцева подсознательно, а, может быть, и не подсознательно, а реально, как многие поэты, думала о том, что написанные ею стихи должны жить, когда её не станет, а эта книга — ЕЁ ЖИЗНЬ, её продолжение в существующем мире. Несомненно, поэзия дала ей право начинать свою жизнь сначала. И скорее всего, именно с этой книги, которую она ждала с великим трепетом, началась её новая жизнь... «Человек, ты не умер, родился!»

В том же 2016 году, в октябре месяце, почти за полгода до её ухода я опубликовал Танины стихи на сайте «Российский писатель» и был ошеломлён комментариями и отзывами известнейших поэтов и критиков на эту публикацию. Откликнулся выдающийся русский критик Вячеслав Лютый, поэты первой величины Надежда Мирошниченко, поэт и главный редактор журнала «Молодая гвардия» Валерий Хатюшин, поэт и критик, заместитель главного редактора петербургского журнала «Родная Ладога» Валентина Ефимовская, поэт и критик Григорий Блехман, поэтесса из Омска Валентина Ерофеева-Тверская, из Одессы Людмила Владимировна, бывшая усольчанка, наша землячка Марина Шамсутдинова и многие другие:

Валентина ЕФИМОВСКАЯ:

«Дорогая Татьяна, рада встрече с тобой, хотя бы в стихии стихов. Прекрасная, чудная, чистая поэзия. Интонации и свежесть восприятия жизни — свидетельствуют о юности твоей души. Высокий слог, правильный русский язык, образы от умудренного жизнью сердца — говорят о том, что перед нами классик. Да это классическая современная поэзия, редкая в наш век имитаций. Дорогая Таня, о тебе помнят, тебя любят в Санкт-Петербурге не только как талантливую поэтессу, но и как уважаемую подругу нашего доброго друга Юрия Шестакова. Желаю тебе неугасимой силы любви, храни своё “вечное пристрастие к полету, к риску”».

Надежда МИРОШНИЧЕНКО:

«Жалко, что я прожила жизнь без стихов Татьяны Суровцевой! Жалко, что поздравляю Вас только с таким взрослым юбилеем! Чаровница, Капризница, Хозяйка Медной горы, открывшая для нас все кладовые своих бесценных сокровищниц Художественного русского слова! Непримируемая Дева, не прощающая душевной слепоты своим избранникам: «Не вы тогда в мою стучались дверь! Зачем вам знать, как я живу теперь!» Богатырша, скрывшаяся в облике хрупкой Синеглазки:

*Хулу я поделила на хвалу.
Всё не важнее травки-повилики —
Здесь, где по склону кедр, как Пётр Великий,
Шагнул, корнями расколов скалу.*

Это неисчерпаемое письмо, завораживающее свежестью восприятия давно знакомого и любимого. Это трепетное сердце, пренебрегшее анализом второго за столетие исторического разлома Отечества, противопоставив ему умение сердца не дать разрушить гармонию народного духа. Это высокохудожественное письмо и чувство! Удивительный Талант! Спасибо, Владимир Скиф, за представление землячки! С юбилеем Вас, дорогая Татьяна Суровцева! Многая Лета и Бог в помощь! Надежда Мирошниченко».

Григорий БЛЕХМАН:

«Когда читаю стихотворения Татьяны Суровцевой, сразу же возникает неотъемлемое ощущение, что душа её наполнена тем, о чём сказала Татьяна в заглавии одного из своих стихотворений: «Всё же мир — вдохновенье и тайна». Конечно, наш сегодняшний юбиляр — человек мудрый, о чём свидетельствуют многие её поэтические строки. Но поэзия Татьяны Суровцевой является гармонией мудрости и этого — «всё же...», и оттого наполняет души её читателей, к числу которых тоже отношусь, — желанием воспарить. Спасибо, Татьяна Николаевна, за Ваши «полотна», которые врачуют душу, наполняя её эстетикой Ваших поэтических строк. И пусть Ваш «карандаш» никогда не «сточится», а юбилей, с которым мы Вас сегодня поздравляем, будет одним из ещё очень многих».

Людмила ВЛАДИМИРОВА:

«Уважаемая Татьяна Николаевна! Примите и мои добрые пожелания по случаю Вашей «круглой даты». Помнится, в одном из своих стихов Вы передали нам напев «отчаянной птицы»: «радость годы бережёт». Может быть, крохотку радости в Ваш день Вам добавит и известие, что в далекой Одессе неоднократно звучало Ваше имя: пришлось по сердцу слова: «Пой и плачь! Нам придется гнездиться / На пределе и стыке времен». Приходилось «гнездиться», петь и плакать... Если захочется — прочтите: <http://vo.od.ua/rubrics/raznoe/10357.php> Долгих лет Вам во здравии, в уважении и любви близких и дальних, в радости творчества и наставничества. С уважением, Л. Владимирова (Одесса)».

Вячеслав ЛЮТЫЙ:

«Стихи Татьяны Суровцевой ласкают слух и поэтическое чувство читателя высокой культурой — культурой слога, мысли, созерцания. Здесь очень напряженна нить драматического сюжета. Он приходит из внешнего мира в душу автора и уходит назад, в беспредельность, унося с собой и легкие приметы одной большой и трудной женской жизни. Глаз автора очень внимателен, внутренний

взор способен проникать в потаённые глубины времени, и всё это, в совокупности, воспитывает читателя, говорит ему, что прекрасная русская поэзия не умерла — именно сегодня она живёт живых!

Удивительно вот что: обращаясь к конкретным людям, тяжко идущим по поверхности земли и по закоулкам своих судеб, что скрыты от посторонних глаз и только порой вонзаются в наше зрение малыми деталями, Суровцева властной рукой литературную речь превращает в плотный, развернутый образ. И ты забываешь о том, как умён и умел автор, и уже в твоей душе начинает ворочаться образ какого-то третьего человека, которого ты знаешь только чуть-чуть, насколько это позволил тебе рассказчик. Мастерство прячется, и плотность жизни прислоняется к тебе своей шершавой изнанкой, холодной и колючей. И почему-то ты чувствуешь свое родство с ней. Вот люди, идущие из рудника, «изработав себя до последней живительной жилы»; вот пришлый человек, напоминающий песню «По диким степям Забайкалья...», соединяющий здесь сразу несколько стихотворений...

Вся та предметная акмеистическая культура, которой был славен Гумилев и долго хранила в себе Ахматова, здесь превращается в инструмент, прячет самое себя ради живого образа, в котором кровь и мышцы, усталость и тяжкая грусть, упорство и воля сильной руки свободного русского человека, какими бы цепями он ни был скован. Вот акмеизм Суровцевой, в котором быт неуловимо становится бытием: «Какое утро! Лёд в стакане. // Река дымится без огня...» Спасибо, Татьяна Николаевна, за тонкую, вдохновенную поэзию, которая умеет быть и легкой, и тяжелой: «Выйди, замри и прислушайся так, на пороге: // Чайки, причудливо рея, летят на Байкал. // Стебли травы оплетут нам усталые ноги... // В землю вращём мы, как эти березы у скал»».

Надежда МИРОШНИЧЕНКО:

«Вячеславу Лютому. Дорогой Вячеслав, как хорошо, что вы не пропустили публикацию Татьяны Суровцевой! Два лучших литературных критика отозвались на Талант этого замечательного Поэта! И в незаслуженно немногочисленных откликах на сайте сколько благодарности и чувства! Дорогая Татьяна, Радости Вам и Света. Вдохновения и Удачи! Сквозь все трудности жизни пронесли Вы Волшбу и Пронзительность Русского Художественного Слова! Живите Долго и Высоко и дальше! Храни Вас Господь и Бог в помощь! Надежда Мирошниченко».

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ:

«Светло, пронзительно, искренне и очень по-русски! Спасибо Владимиру Скифу за статью и представленные широкому кругу читателей замечательные стихи сибирского поэта. У литературы нет возраста, а эта подборка стихотворений говорит нам о ярком и многогранном потенциале поэта. Стихи Татьяны музыкальны, они буквально поются. Радует, что слог автора пронзителен, самобытен, свеж, вместе с тем отточен и профессионален! Он заставляет, возвращает обратно к написанному, чтобы еще раз перечитать и запомнить, запомнить для того, чтобы после еще вернуться. Ровное, легкое, мудрое, щемящее и настоящее слово Татьяны Суровцевой согреет ещё не одну душу. Такие стихи не пропадают, они растворяются в народе и живут долго, долго, долго... Хочется пожелать Татьяне всяческих благ, светлой безоблачной жизни, и радостной надежды, такой, какая есть в ее чистых, незамутненных строках: «Луна всё круглее, а утро — синей, И жизнь нарождается вновь... ниоткуда». С теплом из Омска, Валентина».

От ЕФИМОВСКОЙ:

«Татьяна, присылайте подборку своих стихов для журнала «Родная Ладога». Наш электронный адрес tradicia-mag@mail.ru».

Валерий ХАТЮШИН:

«Здравствуйте, Татьяна! Поздравляю с юбилеем! Если не возражаете, дам Вашу подборку в журнале «Молодая гвардия»».

Владимир СКИФ:

«Дорогие Валерий Хатюшин и Валя Ефимовская! Огромное спасибо за внимание к Таниным стихам! Поскольку уж я занимаюсь её книгой, то и отвечаю вам. К сожалению, у неё дома сломался старенький компьютер, и она теперь никуда не может отправить свои стихи. К тому же, в последнее время Таня прибалывает. Валя, я тебе скину её подборку на эл. адрес «Родной Ладоги». Это дело для меня не трудное, тем более, эта публикация будет нужной и приятной для Татьяны, да и для иркутских писателей — тоже. Валера, если напечатаете в «МГ» подборку Татьяны, будем благодарны за этот добрый, искренний жест в адрес замечательной русской поэтессы!!!»

Валерий ХАТЮШИН:

«Спасибо, Владимир! Стихи уже отобрал. Выйдут в журнале в начале будущего года. Привет Татьяне! Пусть скорее выздоравливает. Как выйдет номер — сообщу. Только укажите эл. адрес».

Владимир СКИФ:

«Валера, спасибо за быстрый ответ! Татьяне всё передал. Она безмерно рада! Более того, все комментарии будут напечатаны в её книге «Жизнь свою начинаю сначала», о которой я говорил в начале этой публикации на сайте. Мой электронный адрес: vskif45@mail.ru Почтовый адрес: 664003, Иркутск, а/я 251, Скифу Владимиру Петровичу».

Марина ШАМСУТДИНОВА:

«Талантливейший русский поэт, удивительная русская женщина — долгих ей лет жизни и творческих озарений! Никогда не забуду, как в далеком 1998 году она единственная поддержала меня перед поступлением в Литинститут. А в 2006 году первая из иркутских писателей дала рекомендацию на вступление в Союз писателей, и это после рекомендации Ст. Куняева. Низкий поклон!!!»

Юлия ПОДГОРБУНСКАЯ:

«Шестого марта ушла из жизни Татьяна Николаевна Суровцева, замечательный поэт и удивительно искренний и порядочный человек. После юбилея в октябре 2016 г. её назвали живым классиком. Она была рада этому запоздалому, по её словам, признанию. В больнице, когда я её видела в последний раз, Татьяна Николаевна сказала мне: «Мысленно я свою болезнь уже победила». Но, видимо, болезнь всё же оказалась сильнее. Татьяна Суровцева была сильным духом человеком. Мне многие говорили: «Татьяна Николаевна — твой наставник в поэзии». Она была постоянна в своих симпатиях и антипатиях, в своих привязанностях, категорична в своих суждениях и оценках, признак прямой и цельной натуры. Юлия Подгорбунская, г. Иркутск».